

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования
«Челябинский государственный университет»

СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

*Материалы
XI Международной научной конференции*

**Челябинск
7–9 апреля 2022 года**

В двух частях

Часть 2

УДК УДК 81
ББК Ш10
С483

Печатается по решению редакционно-издательского совета
Челябинского государственного университета

Редакционная коллегия:

Л. А. Нефедова, доктор филологических наук, профессор (ответственный редактор)
Г. Р. Власян, кандидат филологических наук, доцент (заместитель ответственного редактора)
С. Л. Кушнерук, доктор филологических наук, доцент
И. В. Степанова, кандидат филологических наук, доцент
Н. Ф. Герман, кандидат культурологии
О. Л. Заболотнева, кандидат филологических наук

С483 **Слово, высказывание, текст в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах** : материалы XI Междунар. науч. конф., Челябинск, 7–9 апр. 2022 г. : в 2 ч. Ч. 2 / отв. ред. Л. А. Нефедова. — Челябинск : Изд-во Челяб. гос. ун-та, 2022. — 321 с.

ISBN 978-5-7271-1805-4 (ч. 2)

ISBN 978-5-7271-1806-1

В сборнике представлены статьи российских и зарубежных ученых, принявших участие в XI Международной научной конференции, посвященной актуальным проблемам, связанным с взаимоотношениями языка, культуры и общества. В материалах сборника освещаются общетеоретические вопросы функциональных и прикладных проблем языкознания, перевода и методики обучения иностранным языкам, рассматриваются способы отражения языковой картины мира в когнитивном, прагматическом и культурологическом аспектах.

Издание адресовано специалистам в области лингвистики, аспирантам и студентам лингвистических и филологических факультетов высших учебных заведений.

УДК 81(063)
ББК Ш10я431

Издается в авторской редакции.

Список литературы

1. Вейш, Я. Я. Религия и церковь Англии / Я. Я. Вейш. — М.: Наука, 1976. — 185 с. — Текст: непосредственный.
2. Гудков, Д. Б. Прецедентное имя. Проблемы денотации, сигнификации и коннотации // Лингвокогнитивные проблемы межкультурной коммуникации: сб. статей / Д. Б. Гудков. — М., 1997. — С. 116–129. — Текст: непосредственный.
3. Известия. — 1919. — февраль. — № 174. — Текст: непосредственный.
4. Известия. — 1922. — август. — № 174, 176. — Текст: непосредственный.
5. Мечковская, Н. Б. Язык и религия / Н. Б. Мечковская. — М.: Агентство «ФАИР», 1998. — 352 с. — Текст: непосредственный.
6. Нахимова, Е. А. Прецедентные имена в массовой коммуникации / Е. А. Нахимова. — Екатеринбург: УрГПУ, 2007. — 207 с. — Текст: непосредственный.
7. Нетужилов, К. Е. Церковная периодическая печать в России XIX столетия / К. Е. Нетужилов. — СПб.: Издательство СПбГУ, 2008. — 266 с. — Текст: непосредственный.
8. Полякова, Е. Ю. Государственная церковь Англии. Очерки истории западного протестантизма / Е. Ю. Полякова. — М.: ИВИ, 1995. — С. 117–129. — Текст: непосредственный.
9. Русское слово. — 1895. — январь. — Текст: непосредственный.
10. Русское слово. — 1905. — февраль. — Текст: непосредственный.
11. Gilbert, A. D. Religion and Society in Industrial England: Church, Chapel and Social Change 1740–1914 / A. D. Gilbert / New York: Longman Inc., 1976. — 251 p. — Текст: непосредственный.
12. Church Statistics 2000. — L., 2002. — P. 16–17. — Текст: непосредственный.
13. Daily News (London). — Wednesday 16 July, 1919 // The religious outlook. Bishops & Convocation. — Текст: непосредственный.
14. Daily News (London). — Wednesday 31 May, 1911 // On First Reading the Bible. — Текст: непосредственный.
15. Daily News (London). — Saturday 01 October, 1904 // The religious world. — Текст: непосредственный.
16. Daily News (London). — Tuesday 26 January, 1904 // Churches and church-goers. The London Census. — Текст: непосредственный.
17. Daily News (London). — Thursday 26 July, 1894 // The Oxford Summer school of theology. — Текст: непосредственный.
18. Daily News (London). — Friday 06 May, 1910 // Great small talkers. — Текст: непосредственный.
19. Knight, F. The Nineteenth-century Church and English Society / F. Knight / Cambridge: Cambridge University Press, 1995. — 230 p. — Текст: непосредственный.
20. London Evening Standard. — Tuesday 08 February, 1910 // Lenten season. Services and addresses in the churches. Striking ceremonies. — Текст: непосредственный.
21. Norman, E. R. Church & Society in England. 1770–1970 / E. R. Norman / Oxford, 1976. — 217 p. — Текст: непосредственный.
22. Pereiro, J. The English Historical Review / J. Pereiro / Vol. CXIX. — № 481. — 2004. — 542 p. — Текст: непосредственный.
23. The Sphere. — Saturday 20 August, 1904 // The birth of a son and heir to the Czar: Joy at Last to the Russian People. — Текст: непосредственный.
24. The Sphere. — Saturday 29 August, 1903 // The Russian lours: St. Seraphim of Sarov: The Czar as a Holy Relic Worshiper. — Текст: непосредственный.
25. The Sphere. — Saturday 29 August, 1903 // He Czar and the Grand Dukes bearing the relics of the new Russian saint, Seraphim at Sarov.
26. Русская Православная Церковь. Официальный сайт Московского Патриархата. — Текст: электронный. — URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/671310.html> (дата обращения: 25.01.2022).
27. Архив британских газет. — Текст: электронный. — URL: <https://www.britishnewspaperarchive.co.uk> (дата обращения: 20.01.2022).
28. Русская народная линия. Информационно-аналитическая служба. Церковь Англии с начала XX века до Второй Мировой войны. — Текст: электронный. — URL: https://ruskline.ru/monitoring_smi/2009/10/16/cerkov_anglii_s_nachala_hh_veka_do_vtoroj_mirovoj_vojny (дата обращения: 23.01.2022).

Сведения об авторе

Федосеева Ольга Васильевна, аспирантка 4-го курса кафедры межкультурной коммуникации, риторики и русского языка как иностранного, Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, e-mail: olga.f-2010@yandex.ru

DOI: 10.47475/9785727118054_163

М. С. Хмелевский, О. В. Раина

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург, Россия)

УТРАТА СЕМАНТИКО-КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО ЗНАЧЕНИЯ ПРИ ПЕРЕВОДЕ ИДИОМ (на материале близкородственных языков)

LOSS OF SEMANTIC AND CULTUROLOGICAL MEANING IN THE TRANSLATION OF IDIOMS (on the material of closely related languages)

Аннотация

В настоящей статье анализируются вопросы передачи этносимволов с одного близкородственного языка на другой, в частности с украинского на русский, на примере украинских песенных текстов, ставших прецедентными в русской культуре. Однако несмотря на это образы и символы Украины с определенным ассоциативным рядом, возникающим у носителей украинской культуры, до сих пор остаются лакунарными в русском языковом сознании. В наибольшей степени это касается тех фразеологических единиц, в состав которых они входят, при их передаче

на другой культурологической регистр. Несмотря на узнаваемость носителями русского менталитета и частую цитируемость, они все же требуют дополнительных фоновых комментариев и семантических пояснений по причине несовпадения их внутреннего культурологического содержания. Естественно, данная проблематика возникает при переводах с любого языка, однако украинско-русская специфика заключается в том, что иноязычный (украинский) текст, становясь частью близкородственной русской культуры, не воспринимается ее носителями с тождественным внутренним наполнением, с которым он живет в языке оригинала, а порой даже полностью нивелируется, превращаясь в «опущенный знак».

Abstract

This article analyses the issues of transferring ethnic symbols from one closely related language to another, in particular from Ukrainian to Russian, with examples from Ukrainian song texts that have become precedent in Russian culture. However, the images and symbols of Ukraine with certain associative meanings which arises among the native Ukrainian still remain lacunar in the Russian language consciousness. To a greater extent, this applies to those phraseological units in which they are included, when they are transferred to another cultural register. Despite being recognisable by the native Russian and often quoted, they still require additional background comments and semantic explanations due to the discrepancy between their internal cultural content. Naturally, this issue arises when translating from any language, but the point of Ukrainian-Russian peculiarity is in the fact, that a foreign (Ukrainian) text, becoming the part of a closely related Russian culture, is not perceived by its speakers with an identical internal content with which it exists and uses in the original language, and sometimes even completely canceled or become a “worthless sign”.

Ключевые слова: фразеология, устойчивые сравнения, прецедентный текст, этносимволы, украинский язык, русский язык.

Keywords: Phraseology, Stable comparisons, precedent text, ethnosymbols, Ukrainian, Russian.

По причине различий в ассоциативном и символическом наполнении отдельных образов можно говорить о трудностях их полной семантической передачи с одного языка на другой, а порой — даже о фактической непереводаемости символов, метафор и эпитетов ввиду наличия того или иного концептуального значения в одной культуре и его полного отсутствия в другой. В область настоящего исследования мы включаем лексику, которая является общей как для украинского, так и русского языков, но имеет совершенно разное внутреннее концептуально-символическое наполнение или не имеет такового вовсе. На наиболее иллюстративных примерах из украинских прецедентных текстов, вошедших в русскую культуру, узнаваемых и часто цитируемых или используемых носителями русского менталитета, мы рассмотрим аспект непереводаемости идиоматических выражений в двух близкородственных восточнославянских языках.

Одним из таких ярких примеров является лексема *калина*, общая для обоих языков. Как концепт *береза*, ставший одним из главных этносимволов России, *калина* может быть отнесена к одним из самых главных этнонациональных символов в духовной культуре Украины. Ввиду разности внутреннего образного наполнения двух этих культурологических концептов *береза* не вызывает в сознании украинца тех ассоциаций, которые она вызывает у носителя русской культуры, равно как и образ *калины* в русском сознании не имеет аналогичного ассоциативного культурологического и внутрисемантического насыщения, как в украинском национальном сознании.

Образ *калины* в украинской культуре многозначен и складывается из целого ряда компонентов. Калину издавна клали на могилу казаков, т. к. ее красные ягоды символизируют кровь, геройство и жизнь, отданную в борьбе за родную землю. До сих пор жива традиция сажать куст калины на кладбище в знак бессмертия и вечной памяти об умерших, символизирующий связь мира мертвых с миром живых. Красный цвет ягод калины (укр. *червоный*) в украинском сознании ассоциируется также и с понятием красоты (по общеславянской модели метафоризации «красный — красивый»): *дівчина гарна та рум'яна як калина*. Толчком для развития образа послужило пере-

носное значение прилагательного *калиновий*, т. е. «красный, цвета ягоды калины»: *Молодий чоловік притиснув до себе дівчину і поцілував її калинові уста; До неба підніс калинові знамена*.

Сочетание первого («связанный с родиной, т. е. с Украиной») и второго образа («красивый») реализуется также и в самом эпитете для названия украинского языка — *калинова мова*, т. е. «красивый язык, мелодичный, благозвучный». Так, например, слова казацкой песни, ставшей прецедентной и для русской культуры, *Маруся, раз-два-три — калина, чорнявая дівчина...* — носителями русского менталитета не воспринимаются в тождественном украинском культурологическом значении. Этот концепт калины утрачивает свое внутреннее глубинное семантико-ассоциативное наполнение и зачастую даже не вызывает никакой фоновой ассоциации, кроме как слова, употребленного для рифмы, тогда как в языке оригинала с помощью эпитета *калина* подчеркивается красота украинской казачки, дорисовывается образ девушки, которая — укр. *в саду ягоди рвала*. Причем в украинском культурологическом сознании речь идет именно о ягодах калины, что подчеркивается фразеологическим сочетанием — укр. *рвати / ламати калину* — «отдавать / терять девичью чистоту».

Красная калина в украинской культуре символизирует здоровье и плодородие, поэтому на крестины обычно дарят ветку калины — укр. *щоб дитина росла здоровою*. Весной куст калины цветет белыми цветами, отсюда берет начало связанный с ней женский символ, который включает в себя чистоту, представление о девичей чести, чистой любви и молодости. Сравним такие фразеологические обороты, как: укр. *калину при собі носити* — «беречь девичью честь, девственность», *калину згубити / стратити* — «потерять девственность, чистоту, молодость», *калину зламати* — «лишить девичей невинности». В украинском фольклоре известен также обряд ломания калины на свадьбе (ср. аналогичный образ *березы* в русской культуре, который, например, иллюстрируют слова из народной песни: *Во поле береза стояла, Во поле кудрявая стояла... Некому березу заломати... Я ж пойду, погуляю, Белую березу заломая... Срежу я с березы три пруточка...*). Сочетание образа белых цветов калины как образа девичей чистоты и крас-

ного цвета ягод как символа женской красоты явилось толчком для становления многозначного концепта *калины* в украинской национальной культуре, который, при наличии полного лексического соответствия в русском языке, не может быть полностью перенесен на русскую языковую культурологическую «почву» с сохранением своего внутреннего концептуального содержания.

Особым компонентом в украинской языковой и культурологическом сознании стал фразеологизированный эпитет — укр. *калиновий міст* как метафорический образ и представление о переходе из молодости в зрелость, в частности, о жизни девушки до и после замужества: *ходить по калиновому мосту* — «познать счастье любви», *перейти калиновий міст* — «выйти замуж» или «повзрослеть, перейти важный жизненный рубеж». Традиционно украинские девушки ходили в лес за калиной, что отразилось во фразеологии: *ходити по калину, збирати калину* — «искать любви, возлюбленного». У входа в сельскую хату часто вывешивают ветку калины, которая означала, что в доме живет девушка на выданье, и, наоборот, фразеологизм *калина ще не дозріла* употребляется по отношению к молодой девушке, которой еще рано выходить замуж.

Обильно цветущая *вишня* для украинской картины мира — это также символ Украины, равно как и весны, юности, любви, красоты (в русской культуре данная ассоциация воспринимается иначе ввиду того, что она не характерна и так часто не встречается в русском пейзаже, в отличие от украинского, где цветущие вишневые сады — характерная картина украинского ландшафта. В частности, многие современники А. П. Чехова ставили ему в упрек нехарактерный для России образ вишневого сада, созданный им в одноименном произведении, срисованный им с южнорусской и украинской природы).

Если для русской культуры подобные образы, скорее, связаны с цветущими весной садами вообще или же связаны с образом цветущей яблони (вспомним, например, строку из популярной русской песни: «*Расцвели яблони и груши*...»), черемухи либо сирени, то для украинца — это, в первую очередь, именно цветущая вишня. Вишня для украинского менталитета — это символ родной земли, а также матери и даже — что совершенно не понятно носителю русской культуры — мужественности. Подчеркнем, что цветущая вишня также порождает в сознании носителя украинской культуры образ молодой красивой девушки, невесты, любимой, что довольно часто встречается в песенном фольклоре, например: «*Ой, у вишневому саду, там соловейко щибетав. Додому я просилася, а ти мене все не пускав*», где образ вишни вызывает ассоциативное представление о любви, а вишневый сад — место для встречи влюбленных. Вообще концепты *вишня*, *вишневий садок*, *вишнева усмішка* («счастливая улыбка») в украинской культуре имеют ключевое, и даже концептуальное значение, причем, всегда с отсылкой к родной земле, о чем свидетельствует еще один частотный в украинском языке эпитет — *вишнева Україна*, который при переводе на русский будет утрачен, несмотря на полную лексическую тождественность названия этого растения и ягоды [Бодрова, 2019, с. 148].

В продолжение темы растений как этнонациональных символов нельзя не упомянуть *барвінок* (укр. *барвінок*) — общая для русского и украинского языков лексема, обозначающая род стелющихся полукустарников с небольшими синими цветками. В русских традициях и культурологическом сознании барвінок не имеет никакого образно-ас-

социативного наполнения, как в украинской, а, следовательно, ни украинский песенный фольклор, столь популярный в современной русской культуре, ни художественные произведения украинской литературы или русскоязычной литературы, созданной носителями украинской культуры, как, например, Н. В. Гоголь, где встречается образ барвінка, не может быть до конца и со всей глубиной воспринят носителем русской культуры. Несмотря на то, что данная лексема является общей для обоих языков, носителю русского менталитета приходится обращаться к словарю для уточнения ее значения, тогда как для представителя украинской культуры — это не просто наименование растения, но и традиционный этносимвол с концептуальным смыслом [Савченко, Хмелевский, 2018, с. 122]. Еще одна популярная в России украинская песня «*Несе Галя воду, коромисло гнеться, А за нею Іванко, як барвінок, в'ється*» ввиду отсутствия аналогичного образного наполнения у названия этого растения в русской культуре не воспринимается тождественно языку оригинала, где барвінок имеет целый ряд символических смыслов: это, прежде всего, эпитет *зелений як барвінок*, а также как образ вечной, неувядающей любви и молодости, как, например, в устойчивом сравнении *хлопець молодий як барвінок* — «очень молодой, юный» (ср. русскую модель метафорического переноса значения «зеленый — юный»). Поэтому на Украине существует целая традиция собирать барвінок, девушки часто вплетают его в косы, а невесте и жениху на свадьбе надевают венки из барвінка в знак пожелания долгой и верной любви. Здесь же приведем пример образа барвінка в тексте популярной и хорошо узнаваемой в России украинской песни — «*Ти казала в понеділок, підем разом по барвінок*» (в русском традиционном переводе — *Пойдем вместе за барвинком*). Для носителя русской культуры этот образ остается затемненным и непонятным, тогда как в украинском сознании фраза *пійти разом по барвінок* отсылает к древней традиции — собирать барвінок вместе (молодой человек, ухаживающий за девушкой, проявляющий знаки внимания и симпатии, намеревающийся жениться). Барвінок — это непримечательное, неприхотливое и устойчивое ко всем непогодам растение, оно начинает зеленеть еще под снегом и цветет с конца мая до поздней осени, отсюда рождается символическая ассоциация о том, что любовь молодых будет крепкой и долговечной, как в пословице — укр. *Як цей барвінок ніколи не блідне, так най і життя твоє ніколи не блідне* [Хмелевский, Савченко, 2019, с. 579].

Не до конца понятен носителю русской культуры образ барвінка в упоминавшейся выше популярной украинской песне, ставшей частью русской песенной традиции: «*Стелися, барвінку, буду поливати, Вернися, Іванку, буду шанувати*». В этой строке концепт «барвінок» метафорически переключается с образом девушки, которая обещает своему возлюбленному особую заботу (напомним, что барвінок — неприхотливое растение и не нуждается в уходе и поливе, благодаря чему данный символ заботы усиливается). Подчеркнем также, что в украинской культуре барвінок — это прежде всего символ, отсылающий к свадьбе, причем, цветущий барвінок ассоциируется с долгим и счастливым браком, а увядший — наоборот — с неудачным замужеством.

В украинской песне «*Ти сказала в понеділок...*», известной каждому носителю русской культуры, мы встречаем слова: *Ти сказала у середу Підем разом по череду...* Ввиду межславянской омонимии в русском языковом сознании

этот образ воспринимается не верно и связывается с названием растения — *череда*, тогда как в действительности он этимологически соотносится с архаичным русским значением этой лексемы «очередь, ряд, очередность» и диалектным — «скот, стадо» [Фасмер, 1964–1978, Т. 4, 740]. С учетом этого диалектного значения строка из украинской песни, которая на русский язык традиционно переводится как «Пойдем вместе за стадом», не вызывает у носителя русской культуры никаких семантико-культурологических ассоциаций, глубинного смысла, а сам образ кажется не понятным «опустошенным знаком». Тогда как в украинском языке *череда* имеет значение «скотина (чаще коровы), ведомая пастухом утром на пастбище», а устойчивая единица *пійти/ходити разом по череду* имеет значение «встречаться, ухаживать за девушкой, оказывать девушке знаки внимания, быть готовым разделить с ней ее труд, помогать в ее заботах», толчком для которого послужил образ юноши и девушки, ведущих коров в поле.

Еще один хорошо узнаваемый образ Украины — *червона рута*, известный также в России благодаря одноименной популярной песне на украинском языке, а строка из нее: «*Червону руту не шукай вечорами*» стала прецедентной для русской культуры. Однако отметим, что далеко не у любого носителя русского языка в сознании лексема *рута* будет вызывать непосредственные представления с тем растением, которое она обозначает несмотря на то, что она включена в словари литературного русского языка [Кузнецова, 2019, с. 16]. Примечательно, что рута красного цвета, которая цветет весной только в Карпатах, в украинской культуре получила особое фольклорно-мифическое наполнение, тогда как обычный и широко распространенный на Украине цветок руты имеет желто-зеленоватый оттенок, что отражается в украинском устойчивом сравнении *зелений, як рута*. Этот цветок связан с древним праздником Ивана Купалы: древние славяне считали, что в эту ночь рута на некоторое время становится красной, и здесь можно провести параллель с папоротником в русской народной традиции, который, согласно поверью, зацветает в этот день, а укр. *шукати червону руту* тождественно русскому *искать цветок папоротника*, т. е. «цветок, дарующий силы, власть над нечистой силой, открывающий тайны, но который очень трудно найти» [Терещенко, 1999, с. 164].

Рассмотрим еще один украинский концепт, показательно иллюстрирующий вынесенную в заглавие настоящей статьи тему, — лексема *майдан*. Она попала в тюркские языки из арабского, где изначально имела значение «поле», «открытая площадка», а также «главная торговая площадь в городе», «базар» [Фасмер, 1986, с. 559]. Вследствие тесных арабско-тюркских культурных и религиозных контактов оно, как и многие другие, проникает в тюркские языки в своем основном в значении: «площадь», «ровное свободное место». Через тюркские языки, в частности, через кыпчакско-половецкий, т. е. куманский язык, который был широко распространен на территории Киевской Руси, это слово попадает в украинский язык в значении «большое незастроенное место в селе или городе, площадь» [Етимологічний словник української мови, 2003, Т. 4, с. 361], [Аникин, 2008, с. 85]. С течением времени ориентализм *майдан* в восточнославянских языках переживает целый ряд лексико-семантических, стилистических и ассоциативных трансформаций — «место в центре города или села, обычно у церкви, где жители собирались для обсуждения и решения насущных вопросов». С 1989 г., после известных массовых народных выступлений в центре

Киева, главная площадь украинской столицы — бывшая площадь Октябрьской революции — была переименована в *Майдан Незалежності* — т. е. «Площадь Независимости» (или в разговорном языке просто — *Майдан*), вследствие чего попадает в русский язык как топоним — «главная площадь Киева».

В настоящее время у украинской лексемы *майдан* отмечается целый ряд актуализированных значений: 1) «спонтанное массовое собрание людей, выступающих за свои права, митингующих или открыто обсуждающих насущные общественные вопросы», причем уже без привязанности к столице Украины, например, укр. *Львівський майдан, Майдан в Одесі* и т. п.; 2) «центральная площадь Киева» как топоним; 3) «люди, участвующие в митинге» — собирательное наименование протестующих как метонимический перенос. Таким образом, данная лексема приобрела метафоризированное и фразеологизированное значение. В русском языке слово *майдан* не получило такого широкого распространения, как в других славянских языках. Его употребление в русском языке ограничено как территориально (юг России, а также исторические места поселения казаков в Сибири), так и социально в значении «место собрания, станичный круг, сходка у казаков», которое помечается в словарях как «устаревшее» [Ефремова, 2000: 415].

Во второй половине XX в. слово *майдан* актуализируется в русской культуре благодаря стихотворению В. А. Коротича и популярной песни, положенной на его слова «Переведи меня через майдан», а в действительности являющейся переводом украинской песни «Переведіть мене через майдан», 1971 г.). Украинский оригинал на русский перевела поэт и переводчик Ю. Мориц (родившаяся в Киеве), а композитор и исполнитель С. В. Никитин написал музыку к тексту. Песня быстро стала популярной и впоследствии исполнялась многими российскими и украинскими певцами, а начальная строка стала в русской культуре прецедентной, но совершенно в ином значении — «преодолеть рубеж». Семантика украинского фразеологизма *перевести через майдан* не понятен носителю русского менталитета, но хорошо узнаваем украинцем. Это устойчивая фраза исконно означала слова собирательного образа пожилого человека, уличного музыканта преклонного возраста, который всю свою жизнь играл на бандуре на центральной площади, зарабатывая на жизнь, и который в старости просит увести его от шумной толпы в тихое уединенное место. Именно этот образ послужил толчком для развития значения украинского фразеологизма *пійти з майдану, перейти через майдан* — «удалиться из шумного, суетного места, уехать в село, провести старость в тишине и покое, завершить суетные дела в преклонном возрасте», а украинская устойчивая единица *перевести через майдан* означает просьбу о помощи немощного и усталого человека увести его в спокойное место, подальше от мирской суеты, помочь удалиться в конце жизни на покой, дать отдохнуть на старости лет» [Хмелевский, 2018, с. 120].

В заключение отметим, в сходных культурах существовали и существуют близкие образы и ассоциации (например, для европейских народов), и чем ближе культуры, тем эти верования, представления об окружающем мире, традиции и обряды более схожи (например, у славян). Вместе с тем, даже у близкородственных культур и народов существуют также и различия в семантике и символике, в том числе даже у общей восточнославянской лексики со своими национальными и культурологически

обусловленными этносимволами, что было проиллюстрировано нами лишь на нескольких отдельных примерах, список которых можно продолжить. Они остаются серьезной проблемой для переводчика в силу их лакуарности в том или ином языке и требуют дополнительных фоновых комментариев для полного или глубинного их понимания. Вполне естественно, что подобную сложность можно найти и при переводе русских концептуальных символов на украинский язык, не говоря уже о других славянских и неславянских языках, но нашей задачей

было продемонстрировать именно употребление схожих по звучанию в русском и украинском языках лексем, узнаваемых носителем русского культурного сознания благодаря прецедентным текстам, но при этом имеющих различное фоновое семантическое наполнение, которое зачастую утрачивается в результате их перенесения из одного культурологического пространства в другое, даже близкородственное, и на первый взгляд кажущееся понятным без перевода или дополнительных семантических комментариев.

Список литературы

1. Аникин, А. Е. Русский этимологический словарь. — Вып. 3. / А. Е. Аникин. — М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2009. — 344 с. — Текст: непосредственный.
2. Бодрова, А. Г. Русский язык в современной полиэтнической Бессарабии и Буковине / А. Г. Бодрова. — Чебоксары: ЧГПУ, 2019. — С. 147–149. — Текст: непосредственный.
3. Етимологічний словник української мови: в 7 т. — Т. 1. — Київ: Наукова думка, 1989. — 632 с. — Текст: непосредственный
4. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный / Т. Ф. Ефремова. — М.: Русский язык, 2000. — 1084 с. — Текст: непосредственный
5. Кузнецова, И. В. Диалектные фразеологизмы, связанные с духовной культурой славян / И. В. Кузнецова // Россия народная: россыпь языков, диалектов, культур. Волгоград: Фортесс, 2019. — С. 14–19. — Текст: непосредственный.
6. Савченко, А. В., Хмелевский, М. С. Украинские фольклорные образы-символы и их отражение в культуре, языке и фразеологии / А. В. Савченко, М. С. Хмелевский // Фольклорная фразеология: проблемы лингвокультурологического и лексикографического описания. Коллективная монография. — Грайфсвальд — Санкт-Петербург: Ernst Moritz Arndt, 2018. — С. 118–125. — Текст: непосредственный.
7. Терещенко, А. В., Быт русского народа: забавы, игры, хороводы / А. В. Терещенко. — М.: Русская книга, 1999. — 336 с. — Текст по изд. 1847–1848 гг. — Текст: непосредственный.
8. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка. Т. 4. / М. Фасмер — М.: Прогресс, 1964–1978. — С. 740. — Текст непосредственный.
9. Фасмер, М. Этимологический словарь. Т. 2. / М. Фасмер. — М.: Прогресс, 1986. — С. 589. — Текст: непосредственный.
10. Хмелевский, М. С., Савченко, А. В. Контрастивный анализ этнонациональных ценностей в культуре и языке украинцев и русских (на материале образов растительного мира) / М. С. Хмелевский // Этнопедагогика как фактор сохранения российской идентичности. — Чебоксары: ЧГПУ, 2019. — С. 565–590. — Текст: непосредственный.
11. Хмелевский, М. С. Концептуальное переосмысление тюркизмов, ставших национальными символами славянских народов / М. С. Хмелевский // Межэтническое взаимодействие в поликультурном образовательном пространстве: проблемы языкового взаимодействия и межкультурной коммуникации. — Чебоксары: ЧГПУ, 2018. — С. 118–124. — Текст: непосредственный.

Сведения об авторах

Хмелевский Михаил Сергеевич, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент e-mail: chmelevskij@mail.ru

Раина Ольга Викторовна, кандидат филологических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный университет, доцент, e-mail: raolga80@mail.ru

DOI: 10.47475/9785727118054_167

Е. О. Шаповалова

Челябинский государственный университет (Челябинск, Россия)

ИТАЛИЯ И ИТАЛЬЯНЦЫ ГЛАЗАМИ ИНОСТРАНЦЕВ (на материале комментариев к блогам)

ITALY AND ITALIANS THROUGH THE EYES OF FOREIGNERS (based on comments on blogs)

Аннотация

Статья посвящена анализу идентификации итальянцев и итальянской культуры людьми, контактировавшими с представителями данной культуры на протяжении достаточно продолжительного промежутка времени. Работа носит междисциплинарный характер, поскольку в ней рассматриваются вопросы, которые изучают социология, психология и лингвистика. Цель исследования – определить языковые маркеры идентичности, присущие итальянскому культурному коду, и изучить их. В качестве материала использовались сообщения подписчиков блогов об Италии и итальянцах. В ходе исследования выявленные маркеры идентичности были распределены по группам: наследие/история; особенности экономического и социального строя; национальный характер; еда и напитки. Работа про-

Научное издание

**СЛОВО, ВЫСКАЗЫВАНИЕ, ТЕКСТ
В КОГНИТИВНОМ, ПРАГМАТИЧЕСКОМ И КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ**

Материалы XI Международной научной конференции

*Челябинск
7–9 апреля 2022 года*

В двух частях

Часть 2

Ответственный редактор *Л. А. Нефедова*

Верстка *М. В. Трифоновой*
Дизайн обложки *Т. В. Ростуновой*

Подписано в печать 23.03.22.
Формат 60×84 ¹/₈.
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 37,4. Уч.-изд. л. 45,6.
Тираж 100 экз. Заказ 111.
Цена договорная

Челябинский государственный университет
454001, Челябинск, ул. Братьев Кашириных, 129

Отпечатано в издательстве Челябинского государственного университета
454021, Челябинск, ул. Молодогвардейцев, 57б